

ЖИТИЕ СВ. КЛАРЫ КРЕСТА

Исидор Москони

*Пер. с лат. Clara de Cruce virgo prope Montem-Falconis in Umbria. Vita, auctore Isidoro Mosconio, ex vetustissimis codicibus, in monasterio sanctæ Crucis repertis, fideliter extracta
// AASS, Aug. T. III, p. 676-686*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. БЛАГОЧЕСТИВОЕ ДЕТСТВО БЛАЖЕННОЙ, ЖИТИЕ ПОД НАЧАЛОМ СВОЕЙ СЕСТРЫ-ЗАТВОРНИЦЫ И РАЗЛИЧНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДОБРОДЕТЕЛИ

[1] Преподобнейшая Клара, получившая крестовое своё прозвище от пылкой любви ко кресту Христову, тайны коего запечатлелись в её сердце, родилась в умбрийском городе Монтефалько от благочестивых родителей Дамиано и Якопы в понтификат Климента IV (*по мнению болландистов, в 1268 г. – прим. пер.*). С раннего возраста она так прилежала молитве, что, когда ей едва исполнилось четыре года, читала Отче наш, Ангельское приветствие и многие другие, преклонив колени и сложив ладони, а её обращенное к Богу лицо выражало искреннее благоговение, что всех изумляло. В те мгновения, когда она оказывалась более-менее свободна от домашних обязанностей, мчалась в ближайший храм – св. Иоанна Предтечи, чтобы помолиться более сосредоточенно. К молитвам она присовокупляла частые посты.

[2] Ну а для того, чтобы научиться молиться по святым канонам, она часто посещала Джованну, свою сестру старшую (которая была чрезвычайно прилежна в соблюдении христианского богослужения) и с нею обычно молилась подольше. Более того, она сохранила этот навык к частой молитве на протяжении всей своей жизни, что было ненавистно злейшему врагу рода человеческого, и поэтому он всеми средствами старался отвлечь её от вступления на стезю небесной жизни. Ибо он пытался отпугнуть девочку от навыка молиться то вкрадчивыми речами, то криками, то громкими шумами, то различными наваждениями и обманчивыми видениями, а то и прямыми угрозами. Дошло даже до того, что, приняв облик женщины с маской на лице, он так молвил девочке: «Берегись же, берегись, Клара! Ибо если ты и дальше будешь ходить вместе с сестрою своею Джованной молиться, я покараю тебя! Например, умрёт сестра твоя Теодоручча». А Теодоручча только-только родилась.

[3] Однако, презрев сии бесовские козни, Клара ещё усерднее и сосредоточеннее предавалась молитвам, бдениям и постам; в сне она ограничивала себя так, что редко почивала в кровати, а когда потребность во сне всё-таки одолевала её, ложилась на земле. Более того, хотя в этом возрасте дети обычно добиваются угощений повкуснее и лакомств послаще, она, казалось, с удовольствием ограничивалась таким «яством», как ячменный хлеб, а если что-то и добавляла в качестве приправы, то это оказывалось лесными травами либо побегами и листьями дикого винограда. Жажду же она утоляла холодной водою.

[4] Но вскоре её сестра Джованна вместе с несколькими другими девами вступила в так называемый «новый» скит, что близ келлий св. Леонарда, и там с вящим радением, оградившись молчанием от всяческого шума земных забот, посвятила себя молитвам и богослужениям. Чего только тогда Клара ни делала, чтобы и её допустили в ту священную обитель, где пестовалось наивысшее добронравие и процветало житие праведное и благоговейное! Но поскольку эти святые девы избрали своей настоятельницей Джованну, сестру Клары, которой они обещали послушание, бедность, целомудрие, пост, покаяние, молитву и молчание, то Клара изо всех сил упрашивала Джованну, чтобы та приняла её в священное то сообщество. Джованна же, сестра её, воспротивилась и прежде, чем окончательно удовлетворить

её пожелание, позволила ей ещё не раз о том умолять, тщательнее проверяя её решимость, ибо ни в коем случае нельзя принимать кого-либо в такого рода закрытые монастыри, не испытав его волю и постоянство, как золото в огне.

[5] Итак, настала пора, когда Джованна, уступая частым мольбам сестры своей Клары, собиралась принять её [в общину]. Причём явно по божественному замыслу получилось так, что в день, когда ей предстояло вступить в скит, там находился Фома, епископ Сполетанский, от которого дева и получала благословение, восприняв сие как мановение Божие.

Когда Клара поняла, что сие вышло по устройению Божию, то постановила как можно усерднее отблагодарить Его, воздав за таковое благодеяние недельным постом, в течение коего она не вкушала ничего, кроме половины хлебца с яблоком. Постоянные молитвы, при которых дух её воспламенялся совершенно невероятно, достигали Бога, ибо часто случалось, что, молясь ночью, она [озарялась] необычайным светом, а поутру её окутывала ночная тьма – не иначе, будто бы силою Божией они [свет и тьма] по очереди пособляли ей проводить в этом занятии почти круглые сутки. И таковой сие наполняло её радостью, что ни нежный возраст, ни слабость сил не могли её удержать, ибо она столь ненасытно упивалась богообщением, что не испытывала ни малейшего страдания или беспокойства.

[6] Не умолчу здесь о том, что в возрасте девяти лет Клара получила выговор от Джованны, сестры своей и настоятельницы, за то, что во время сна неосознанно обнажила часть стопы. Причина была в том, что, утомленная бдениями и молитвами, она была внезапно застигнута сном и не смогла в достаточной мере позаботиться о приличиях. Этот случай так глубоко её опечалил, что сие ничтожное пятнышко на совести она омывала многими слезами и стонами, будто приключилось нечто, заслуживающее значительного внимания. Поэтому в дальнейшем она придерживалась такого правила: ложась спать, просовывала рясу меж ног, чтобы плоть не касалась плоти, а саму рясу стягивала верёвкой на лодыжках.

Она никогда не позволяла никому из монахинь прикасаться к себе рукою, а если видела кого из них с закатанными рукавами, то укоряла такую за бесстыдство, говоря, что даже в темном закутке никакую часть тела не подобает обнажать, но везде подобает блюсти пристойность и избегать неприличия. Сама же она соблюдала это [правило] так [строго], что даже врачу не открывала никакой части тела, ибо говорила, что видимые образы – источник множества зол, ведь зрительное чувство — лютейший враг души, а на то, чего нельзя желать, не следует и смотреть.

[7] Впрочем, не было недостатка и в небесных утешениях, благодаря коим она могла укрепиться душою. От её сестры Джованны мы узнали, что место, в котором Клара молилась, весьма часто освещалось чудесным сиянием; и хотя она порой страдала от телесного нездоровья, ангельские благозвучия так услаждали её, что она поправлялась. Стоит ли тогда удивляться, что (как было сказано) она нередко изобличала дьявольские козни и тайные злоумышления, коль её поддерживала божественная помощь!

Например, когда он появлялся, она увещевала сестёр быть осмотрительнее; указывала также, как он пытается утратить её громким шумом, словно от захлопнутого окна; как, приняв обманчивое обличие настоятельницы, правдоподобно подражал её благонравному поведению, стараясь навлечь великую пагубу; как, строя яростные рожи, пугал каждого, кто заводил речь о Царствии Божием; как он носился по монастырю, подобно льву рыкающему, в поисках добычи (*ср. Иез. 22:25, 1 П. 5:8*); как он услаждался даже легчайшим смешком монахинь.

Всё это без труда примечая, она с тем большим пылом прилежала богослужению и заботливыми вразумлениями своими питала сестёр, как бы пищей насущной, уча прежде всего тому, что в этой жизни нет ничего желаннее цельной совести и сосредоточенной молитвы, особенно же если не общего одобрения добиваться, а искать славы Божией.

[8] Ей так отвратительны были повседневные разговоры, что безмолвие она нарушила лишь однажды в жизни, и то по уговорам её матери Якопы, которая именно ради разговора и пришла к ней. Из-за этого она, правда, претяжко горевала, будто совершила тяжчайшее преступление, и считала, что заслуживает великой кары, а потому допущенное прегрешение искупала таковым наказанием, что в самую стужу посреди суровейшей зимы, попирая босыми ногами заледенелый снег, сотни раз читала Молитву Господню с глубочайшим смирением духа.

[Дело в том, что в монастыре] от повечерия и до Третьего часа следующего дня не полагалось вести разговоры даже между самими монахинями. Посетители монастыря с большими трудностями добивались разрешения поговорить с собственными дочерьми, и настоятельница без настоятельной необходимости такого рода бесед не допускала. Если посетители получали позволение, то их принимали у железной решетки, задёрнутой с внутренней стороны некоей тканью (чтобы их не было видно), а при беседах присутствовала одна из сестёр, которую назначала управительница.

Болтливостью гнушались крайне; если срочно требовалось сказать что-то, изъяснялись предельно сжато, а во время обязательного безмолвия глубоко размышляли о божественных тайнах.

[9] И Клара удивительным образом услаждалась ими, черпая в них столь упоительную радость, что то и дело забывала поесть, при том, что и так довольствовалась сущими крохами. Монахини, проведав о сем пугающем подвиге, крайне встревожились, как бы, продолжая в том же духе, она не обессилела до смерти, ведь ей тогда ещё не исполнилось десяти лет. Поэтому, уступив ласковым уговорам сестёр, умолявших её подкрепить своё тело, изнурённое трудами, она однажды без позволения настоятельницы отведала яйцо. После этого она почувствовала такую боль душевную, что только в течение многих дней ей удалось, пролив море слёз, полностью смыть пятно греха (если таковое имелось). Да что уж

там! Мяса и вообще любых обычных лакомств она не просто не пробовала – даже кончиком пальца не касалась.

[10] Описывают один случай: когда сестра её и настоятельница Джованна увидела, что она слишком изнурена бдениями и постами, то строго-настрого повелела ей для укрепления сил съесть кусочек мяса, который принесла ей. Хотя Клара тогда отнюдь не стала возражать, однако, когда экономка отвлеклась, выбросила [принесённое мясо], чтобы не отклоняться от своих подвижнических правил. Потом, когда она осознала, что не оказала подобающего внимания её приказу, охватила её тягостная тревога, и она не успокоилась, пока вполне не смыла [пятна провинности своей], воздав за него епитимиями.

Ей по душе была пища скудная и постная, а роскошных блюд она избегала, часто прибегая к поговоркам: «Мы пищу вкушаем, чтобы жить, а не чтоб не тужить»; и «Пускай тело не ублажается тем, чем питается». Отсюда открывался прямой путь к потере сил и заболеваниям, и когда с ней это всё-таки приключалось, в ней просыпался острый аппетит (как водится у болящих) на казиати (так называют разновидность блюда из сыра и каши), но она предпочитала своим желанием управлять, а не подчиняться ему: просила вместо казиати хлеба, который – по её свидетельству – приобретал для неё вкус казиати.

[11] Вот таким образом она сдерживала желания души своей. Ведь добродетель [её] господствовала надо всеми [страстями], и я не буду даже и пытаться описывать все её достоинства подробно, ибо она так развила их, что им следовало бы посвятить куда более длинную речь и значительно больше времени, а потому лучше промолчать, чем сказать мало. Ибо она была чиста, проста, богобоязненна; от обмана, вымыслов и непристойных удовольствий отвращалась, точно от чумной заразы; так упорядочила ту часть, что подвержена различным чувственным волнениям, и обе [составляющие своей природы] старалась занять соблюдением закона Божия; никому не уступала в заслуге скромности и сдержанности; короче говоря, ничего в ней не найдёшь предосудительного, но много похвального.

Вот такое житие проводила Клара в скиту, день ото дня становясь всё ближе Богу и великую радость принося сподвижницам, которые по внушению Духа Божия подумывали об иной обители и установлении строгого устава.

ГЛАВА II. ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, ГДЕ БЫЛА ПОСТРОЕНО АББАТСТВО ПО УСТАВУ СВ. АВГУСТИНА, В КОТОРОМ КЛАРА ПОСЛЕ СМЕРТИ СЕСТРЫ БЫЛА ИЗБРАНА НА ДОЛЖНОСТЬ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ И БЛАГОЧИННЕЙШЕ УПРАВЛЯЛА ОБЩИНОЙ

[12] Ну а поскольку обычно они ничего не предпринимали, не испросив предварительно помощи Божией, то все едиными устами и единым сердцем неотступно молились и слёзно взывали к Нему, дабы указал им по благодати Своей

наилучшее решение. И вот Джованне, настоятельнице, было явлено свыше, что новую обитель надлежит учредить там, где будет найден крест Христов. После долгих трудов, приложенных многими [из сестёр] к сим [изысканиям], нашли, наконец, на холме Св. Екатерины-при-запруде, близ стен города [образ Креста] – именно такой, что был явлен настоятельнице в видении свыше: великолепный, сверкающий и украшенный множеством [приношений от] женщин. Оттого всех охватила величайшая радость, и как только они узнали волю Божию, то собрали пожертвования и заложили основания обители, однако в тот год не удалось довершить её: помешала нехватка денег, которых было слишком мало для окончательной отделки.

[13] Между тем добродетели Клары (как это обычно бывает) вызвали великую ненависть, что впоследствии пала на всю общину. Поскольку же её доброе имя очерняли непотребными речами, сие служило нешуточным препятствием для завершения строительства.

Однако оные святейшие девы, обратив все свои надежды и помыслы к Богу, переселились в новую киновию, оставив старую, хотя у них не было ни прочной крыши, ни вполне пригодных для жилья келлий. Из-за этого им приходилось худо от лютых ветров, непогод, проливных дождей и бессчётного множества иных неприятностей, однако они всё переносили с полнейшим спокойствием духа.

Клара же тем временем, казалось, ликовала и, словно бы отрадная жизнь возгревала в ней милость, лишала себя большей части удобств, чтобы облегчить жизнь иным: приглашала других сестёр в более уютную часть жилища, пускала их в свою келлию и со всяческой заботливостью обогревала собственными одеялами, а также выполняла другие служения, которые, скорее, подобало бы исполнять иным, ведь она годилась им в дочери, а не в матери.

В таких житейских тяготах протёк год, после чего им стало вполне хватать всего как для пропитания, так и для строительства, благодаря чему они привели своё жилище в порядок. Итак, строительство началось в 1281 году, когда Кларе шёл четырнадцатый год, а полностью завершилось в 1290 году.

[14] В ту пору у монахинь не было определенного устава или правил, которым они могли бы следовать, но их собственное благоразумие направляло житие их. После ж того, как монастырь был построен, они в письме попросили Герарда, епископа Сполето, дать им какое-нибудь подобающее правило иноческого жития, а он, как видно из его письма, поручил [им ввести у себя] устав св. Августина. Мы решили привести здесь выдержку из письма: «Герард, милостью Божией епископ Сполето, возлюбленным во Христе Джованне, дочери Дамиановой из Монтефалько, и насельницам обители Св. Екатерины-при-запруде близ города Монтефалько Сполетанской епархии, спасения в Том, Кто есть истинное спасение для всех. Тем, кто ведёт иноческое житие, должно оказывать деятельную поддержку, дабы благодаря оной они могли услужать Господу в святом иночестве беспрепятственно. Итак, когда вы решили приступить к богоугодному служению по узаконенному

уставу в обители Св. Креста и Св. Екатерины-при-запруде близ города Монтефалько Сполетанской епархии, с вашей стороны в связи с этим поступила к нам смиренная просьба, в ответ на которую мы по особому к вам расположению даруем вам определённый устав и прочие правила управления благочинной обителью, которые, полагаю, вполне подойдут монашествующим».

[15] «Итак, одобряя ваше похвальное устремление в Господе, мы, призвав имя Христово, постановляем (что вступает в силу при получении настоящего документа) учредить у вас устав блаженного Августина. Сообразуясь с текущими обстоятельствами, желаем и приказываем, чтобы не только вы всегда нерушимо следовали ему, но и по мере возможности – другие сёстры, что будут жить в вышеупомянутой обители. Даём вам полное право устроить [кладбище для] погребения вашего, ваших инокинь и светских сестёр, а также уделяем разрешение свободно принимать в качестве сподвижниц и сестёр женщин, бегущих из мира. При согласии же со сказанным здесь повелеваем, чтобы вы каждый год высылали нам и нашим преемникам один фунт воска. В удостоверение же сего мы приказали составить настоящую грамоту и скрепить её нашей печатью. Дано при пастве нашей [церкви] св. Фортуната в Монтефалько, в год Господень 1290-й, в третий год понтификата владыки Николая IV, папы, третьего индиктиона, в десятый день месяца июня».

По получении сей грамоты и окончании строительства [насельницы обители] от всего сердца возблагодарили Бога.

[16] Ну а Клара снискала всеобщее расположение (ибо смирение было основной чертой её нрава) и столь цельной святостью просияла, что о ней всюду разлетелась молва, и в ту обитель стекались множества дев, вдохновляемых её чудесным примером. С ростом числа монахинь, когда еды, собираемой благочестивыми людьми, стало не хватать, назначали нескольких служительниц, которые, ходя от двери к двери, выпрашивали хлеб и еду. Узнав об этом, Клара сделала всё возможное и невозможное, величайшие усилия приложив к тому, чтобы и её приняли в их число, ибо знала, насколько унижение способствует христианскому житию. Добившись же своего, она [тем не менее] не выходила [за пределы обители], пока того не требовала необходимость. Тогда уже, только получив от экономки разрешение выйти, она покрывала свою голову, руки и ноги плащом, в который закутывалась [перед сном], и, опустив взор, просила подаяния у дверей любого дома, но особенно охотно возвращалась к тем жилищам, где её прежде не раз прогоняли, ничего не давши, ибо там, терпя неприятности, имела больше возможностей поупражняться в смирении. Она никогда не отходила от своей спутницы, но по дороге не проранивала ни словечка. В чужие дома она не входила, предпочитая быть игрушкой ветров и ливней, нежели укрываться в первом попавшемся доме.

Когда в конце месяца, за какое время она выходила куда-то всего восемь раз, это дошло до ушей Джованны, та запретила сестре такого рода послушания, и она так старательно соблюдала сие предписание, что с тех пор постоянно оставалась в обители.

[17] Мало того, поскольку бл. Клара уязвляла тело своё розгами и бичами так, что хлестала кровь, сестра Джованна, проникнувшись состраданием, тайком забрала и спрятала бичи, которые, как она заметила, были забрызганы кровью. Клара же крайне обеспокоилась чрезмерным, как ей казалось, ослаблением её покаянного подвига, но наипаче – сознанием того, что некоторые проведали о суровости её жизни, которую она желала от всех скрыть.

Тем временем Джованна, пять лет в высшей степени похвально управлявшая монастырем, завершила свой земной путь. Из-за этого на монахинь обрушилась величайшая забота, поскольку им было совершенно непонятно, кого избрать взамен на ту должность, что занимала покойная. Итак, они обращались со многими молитвами к Богу, прося о помощи в распознании наилучшей настоятельницы.

В конце концов они выбрали Клару, ибо она далеко превосходила остальных чистотою жизни и необычайным благоразумием. Она изо всех сил отказывалась от этого сана, и её всё никак не удавалось убедить принять оный, пока не получила приказание от викария епископа Сполетанского, волю которого она ставила выше своего благоразумия.

[18] По вступлении в должность Клара, понимая, какое множество дев ей вверено, неусыпно трудилась изо всех сил, стараясь ничего не упустить из того, что послужило бы их общему благу. По этой причине она почти никогда не отдыхала ни душой, ни телом, ибо, будучи сколь возможно усердна в попечении о пользе сестёр, она также служила для остальных примером достойного жития, никогда другим не приказывая ничего, чего сама бы прежде всех не начала исполнять; и именно так – предельно мягко – склоняла их к послушанию и соблюдению.

Причем житие её было столь безукоризненно, что, по-видимому, подобает, скорее, восхищаться им, нежели подражать, ибо она [вставала] ночами, как воин на стражу, и под покровом тьмы закутавшись в плащ то одной, то другой сестры (чтобы обмануть взоры монахинь), в укромном уголке комнаты сурово себя бичевала. Причём тело она смиряла не всегда одним и тем же способом, но иногда пользовалась веревками, а иногда крапивою, а сверх того крапивою почти постоянно и была устлана постель её. К тому же она всячески избегала разнообразия в одежде, говоря, что глупо тешиться изысканной одеждой, когда носишь власяницу.

[19] Итак, до самого конца жизни она довольствовалась единственной рясой (причём с длинными рукавами и спускавшейся до пят), каковой прикрывала телесную наготу; иногда надевала другую – сшитую из грубых лоскутьев, а чтобы скрыть это от посторонних взоров, целиком закутывалась в шерстяной плащ. У неё имелось две власяницы, одна из которых была сплетена из конского волоса, другая из свиной щетины, и она носил их попеременно.

Ходила она всегда босиком, если только сему не препятствовала тяжёлая болезнь или какая-нибудь другая крайняя необходимость.

Кровать, на которой предстояло отдохнуть, была расстелена посреди комнаты, и она оставляла её у себя, скорее, как бы для виду, [чтобы не нарушать общего] обыкновения, а не потому, что она была ей так уж нужна, ведь чаще всего она спала, лёжа на полу. Когда же от столь сурового жития у неё пошатнулось здоровье, она была вынуждена согласиться подкладывать плотный соломенный тюфяк, а также жёсткую подушку под голову, но как только к ней вернулись прежние силы, она полностью предалась и прежним подвигам, желая навсегда сохранить такую же суровость жития, к какой она приучилась от младых (как говорится) ногтей.

[20] А в постничестве она была такова, что иногда проводила целые дни без хлеба, ведь ей по нраву было питание (как я уже говорил выше) самое скудное, а овощей огородных она избегала, как роскошного кушанья, говоря, что природа довольствуется немногим, а потому следует искать еды попроще, и утверждая, что многое излишне для пропитания.

Уединение она любила так сильно, что охотно скрылась бы в местах, далеких от людских взоров, если бы можно было сделать это, не нарушая [уставного] благочиния. Что тут ещё сказать..? К установленным постам (*jejuniiis, т.е. периодам строгого воздержания от любой пищи и питья. – прим. пер.*) она добавила и другие дни, как то: пятницу – в память Христа Спасителя, субботу – в память Пресвятой Богородицы, а кроме того кануны праздников святых мужей и дев. В остальные времена года она зачастую принимала пищу вместе со всеми в девятом часу – ближе к вечерне, [которую служила] со сподвижницами, а спать никогда не ложилась без соседки по комнате.

[21] Итак, воспламенённая Духом Божиим, она от всего сердца восприяла молитвенный навык (ведь только благодаря ему мы становимся угодны Богу), так что каждый день в отсутствие свидетелей, пав ниц, лобызала пол. Удалось приметить, что по крайней мере после повечерия она благоговейно творила пятьсот коленопреклонений и столько же раз утром оказывала [Богу оные] знаки почтения и смирения, да и всякий свободный миг проводила в молитве, предаваясь небесным помышлениям, ибо, хоть различные дела и препятствовали ей, она нисколько не отвлекалась умом от Бога. Столь строгое житие её вызывало у монахинь крайние опасения, потому что она то есть забывала, то предельным напряжением духа истощала телесные силы, из-за чего по большей части казалась едва живой.

ГЛАВА III. СМИРЕНИЕ БЛАЖЕННОЙ, ЕЁ СКРОМНОСТЬ, ЧИСТОСЕРДЕЧИЕ, РЕВНОСТЬ О ВЕРЕ ХРИСТИАНСКОЙ, ПРОРОЧЕСКИЙ ДУХ

[22] С горячим благоговением радела она о канонических часах и службе за усопших в положенные сроки, а также о литургическом поминании святых, чтении Молитвы

Господней и других молитв Иисусу Христу, Спасителю нашему, и Святой Деве. Великой её заботой было добиться того, чтобы в святом храме почаще читали проповеди о христианском подвиге.

В праздники и октавы некоторых святых, которых она особенно благоговейно чтит, Клара так сосредотачивалась на созерцании небесного, что, казалось, разрешившись от уз тела, пребывала с Христом, а когда взор очей её замирал, устремлённый в небо, можно было заметить, что глаза её блистали ярче солнца, а помещение, где она проводила время на молитве, наполнял яснейший свет. Все сии дары Клара стяжала по божественной милости.

Причём она не приобретала учёности человеческим трудом, но, внимая Духу Святому, украсилась небесной мудростью, да в такой мере, что (как уже было сказано выше) никакие ухищрения и козни злого духа не могли ввести её в заблуждение, хотя не было такого места и мгновения, когда бы он не пробовал лишить святейшую деву сего блаженства.

[23] Мало того, она не только обнаруживала его козни среди других монахинь, которых он пытался застрашать, громко стуча в дверь и поворачивая роту (*деревянная башенка в затворнических женских монастырях, через которую передавали снаружи всё необходимое. – прим. пер.*), но даже прогнала его, когда он, бродя вокруг, преследовал одну из сестёр.

Оттого и случилось, что бес, гневаясь на Клару, разрушавшую злоухищрения его духовными силами своими, всё настойчивее старался обмануть её. С таковой целью пройдоха этот запечатлел на стене изображение Распятого красоты почти невероятной и в высшей степени изысканных телесных очертаний, чтобы пробудить уже усыплённый огонь похоти. Однако же, ничуть не преуспев в своих коварных кознях, он воспылал ещё большей яростью и, осыпав её градом ударов, повалил наземь, в каковом положении её и обнаружили монахини. И отступил он так далеко и искушения его настолько ослабели, что у других теперь появилась возможность одолевать их силою собственного благоразумия.

[24] Притом, даже будучи начальницей и руководительницей киновии, она не выделяла для себя лучшей пищи или одежды, не первенствовала в слове или в каком-либо ином деле, но обращалась со всеми в высшей степени обходительно, так что они удивлённо восхищались её скромностью в повседневной жизни.

К нищим она питала такую любовь, что часто снимала с себя одежду свою и одевала их. Если какая-либо из монахинь страдала от недомогания, болезни или нарывов, Клара с искренней заботливостью часто приходила к ней, ухаживала и, собственными руками прикасаясь, выполняла ради неё грязную работу, что отнюдь не вызывало у неё тошноты, а скорее, доставляло удовольствие. В итоге она стала примером смирения, сияющим воплощением скромности, образцом благочиния,

надёжнейшей твердынею девства и иных добродетелей, каковыми украшениями большинство людей обычно хвалятся, если они у них есть, а она к похвалам питала наигоршее отвращение, и если было в ней что хорошее, всё приписывала едино Богу. Наконец, достигнув той степени совершенства, на которой [исполняется] речение премудрого мужа «познай самого себя», она жила на земле в состоянии наивысшего блаженства. Поэтому-то, как написано в шестой книге «Откровений» (*согласно болландистам, один из монастырских манускриптов, откуда автор данного «Жития» заимствовал материал. – прим. пер.*), когда она в укромном углу своей часовни изливала молитвы к Богу, многие монахини примечали, что её шею и голову украшают преизящные фиалковые ожерелья. Сие символически обозначало, что она познала себя (*т.е. своё ничтожество. – прим. пер.*). И ведь действительно: она так ненавидела, когда её имени и делам воздают славу, будто ей уделяют [внимание] больше положенного, хотя его оказывали ей меньше, чем требовало её положение; ведь у неё сложилось такое мнение о себе, что она считала себя наименьшей среди меньших.

[25] Короче говоря, соблюдая во всех делах своих такую скромность и благоразумие, она проводила радостное и безмятежное житие, ибо не знала недостатка в великом утешении. Любопытство, которому так легко вкрасться в женскую душу, она никогда в себе не пестовала, и о том, что её нисколько не касалось, не заботилась – даже избегала смотреть на то. Если требовалось что-нибудь сделать вне монастыря или внутри, принять помощь исповедника или врача, она, закутавшись в плащ, шествовала с опущенным лицом и так благопристойно [держалась], что никто не мог видеть ни лица её в открытую, ни обнажённых рук. А чтобы других [сестёр] побудить к чему-либо, она всегда начинала первая.

Она не желала, чтобы духовнику даже имена сестёр были известны – во избежание повода к взаимной склонности, и не позволяла ни одной из сестёр заговаривать с кем-либо наедине, ибо девству подобать избегать сближения с мужчинами и их общества, иначе оно подвергается крайне опасному испытанию. Так что об этом Клара заботилась с предельным тщанием: она ни разу не глянула даже на изображение мужчины. И из-за этого случилось так, что, когда она внезапно и неосознанно бросала взгляд на мужчину, то (по рассказу некоего брата Северина), сильно смутившись из-за своего, как она выражалась, бесстыдства, возлагала на себя наказания не из лёгких, считая, что преступила границы скромности, внимательнейшей блюстительницей коих всегда являлась.

И часто говорила она со своими монахинями о том, как прекрасно девство, воспламеняя всех любить оное и превознося его чуть ли не до небес; мол, в сей земной жизни оно сообщает небесную славу и подобно благовонному умащению, что сохраняет трупы нетленными; и никто из людей не может причинить вреда девству, ибо небесный страж защищает его, дабы являло оно блистание света вечного. В том же духе говорила она и многое другое.

[26] Денно и ночью читала она жития святых дев, глубоко обдумывала истории их и так выразительно воспроизводила их в душе и на деле, что могла приобщиться их

сонму, как явствует из шестой книги «Откровений», и правда, многие по Клариному заступничеству удостоились многих и великих благодеяний.

При этом она, будучи умеренна при благоприятных обстоятельствах, тем паче терпелива была в невзгодах: все заботы, беспокойства, упадок сил, оскорбления, бесчисленные обиды переносила мягко и миролюбиво, ликуя с апостолом, сказавшим: «...Я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова» (2 Кор. 12:9).

[27] Сему сопутствовала величайшая любовь к ближним и почти невероятное сострадание к нищим; посему в молитвах к Богу она поминала не столько тех, кто любил её, сколько тех, кто её порочил (что подтверждается свидетельствами одиннадцати человек); а в крайней нужде, когда не хватало еды, она предпочитала раздавать её другим, нежели приберегать для себя, довольствуясь при этом ничтожно скудным пайком. К такому же роду самоограничения она призывала и своих сподвижниц, говоря, что в действиях своих мы должны стремиться к тому, что дозволено, а не к тому, что нравится.

В обеих сих добродетелях она глубоко укоренилась, о чём легко составить суждение по её поступкам; прежде всего [вспомнив случай], когда по молитвам её освободили несправедливо обвиненного нотариуса и нескольких других особ, неприязненных к монастырю (ибо великие свершения в большинстве случаев поначалу встречаются с ненавистью и зложелательством).

Когда другие монахини того же города, изрядно порочившие её доброе имя, обращались к ней за помощью, она не отказывала им и даже, напрочь позабыв об оскорблениях, проявляла к ним гораздо больше внимания, чем к своим.

Когда между жителями Треббьи и её согражданами горожанами началась изрядная распря, она вымолила мир; и так же добилась мира с перуджийцами, аретинцами и сполетанцами. Она добилась возвращения на свободу из узилища викария епископа Сполетанского и любыми доступными способами ручалась за всех и каждого. Из рук вражеских избавила магистра Гвальтерио. Некого заключенного она вывела из темницы, накрыв своим плащом.

Помимо того, она установила такой обычай, чтобы, когда в обители пекут хлеб, готовили двенадцать буханок в честь апостолов и раздавали их нищим, и предписала придерживаться сего в дальнейшем.

[28] Он питала такое презрение ко всему земному, что называла несчастными тех, кто взыскует сих преходящих и скоротечных [благ], а ещё более несчастными – тех, кто именует их благами, ведь [только истинное] Благо делает лучшим того, в ком Оно пребывает, а почести, богатство, власть и прочее, что считаются благами,

страшно увечат душу и обращают обладателей к горшей участи. Поэтому он увещевала монахинь, чтобы они не побуждали никого творить добро обители в корыстной надежде на какую-либо земную выгоду, ибо для Бога оскорбительно, когда блага духовные приобретают за телесные. Поэтому, получив какое-нибудь пожертвование, она, в зависимости от нужд монастыря [оставляла лишь часть], а остальное раздавала нищим.

Когда к ней приводили девочек, прося включить их в число монахинь, она не взирала ни на приданое, ни на знатность родства, ни на высокое положение, а принимала во внимание лишь глубокую склонность к благоговейному служению Богу. Случилось однажды, что монахини без её ведома приняли в своё общество некую девочку, отец которой был благодетелем киновии. Клара из-за этого сильно взволновалась, уверенно предсказав, что девочкин дядя (в угоду которому её и приняли) станет когда-нибудь злейшим неприятелем монастыря; и когда впоследствии вопреки ожиданиям всех [сестёр] так и случилось, она напомнила им, чтобы [в дальнейшем] не осмеливались так поступать, поддаваясь надежде на какую-либо земную выгоду, ибо, как она утверждала, не следует предоставлять духовный [сан] по соображениям родства или дружбы, но по заслугам и достоинству каждого. И постоянно твердила она, что только средства, направленные ко спасению душ, могут привести общину (familiam) к христианскому совершенству.

[29] И получила Клара весть свыше о том, что девочка Биццолла родом из деревни Синьяно была отвергнута сёстрами, когда попросилась в их общество, потому что у них не хватало средств даже для собственного прокормления; и в святейший день Страстной Пятницы, когда Клара всей душой сосредоточилась на смертных муках нашего Спасителя, она увидела, что спасению Биццоллы грозит страшная опасность, если её не принять в их общину. Удостоверившись, что дело обстоит именно так, Клара прежде всего побранила монахинь, а затем приняла [девочку] в монастырь и назвала Христиной, потому что узнала состояние души её, созерцая горчайшие скорби Христовы.

[30] Она защищала католическую веру с величайшим рвением и в весьма частых прениях опровергала еретические лжеучения, причём в ней обнаружилось столько премудрости, что казалось, будто она владела всевозможными познаниями в богословии. Да что упоминать о том, ведь кто не видел сам, ни за что не поверит!

Она взирала на грядущие поступки людей, словно если бы они свершались в настоящем, и, наделённая даром пророчества, знала глубинные помыслы сердца и духа. И уж поскольку мы затронули такого рода вопросы, целесообразно остановиться на нескольких примерах вышеупомянутых [способностей].

Она задолго предрекла работнице своего монастыря прибытие в определенный день и час некоего брата Эгидия, члена Ордена проповедников, и что у него было на уме. Когда же он прибыл в упомянутую киновию и в подробностях узнал обо всём от работницы, пришёл в крайнее изумление и захотел познакомиться с Кларой лично.

[31] Той же работнице она предвозвестила, что к её камерке явится Маргарита Французская, сбившись с пути по дороге в Рим; мало того, загодя получив весть о её прибытии от (надо полагать) Духа Божия, подбежала к железной решётке своей камерки, приветствовала чужестранку по имени и до самого вечера беседовала с нею по-французски.

Когда Маттиола св. Павла, монахиня [из её] киновии, пребывала в унынии, Клара объявила, что через три дня она освободится [от сего духовного недуга].

Стоит добавить, что, когда Джакопо Колонне, кардиналу Св. Римской Церкви, преславно украшенному всеми видами добродетелей, грозило множество опасностей, она предсказала, что в итоге он будет с честью восстановлен в своём прежнем достоинстве, объяснила причины происходящего и показала, что нужно сделать. Когда всё это сбылось в точности до мелочей, он, памятуя о великих её благодеяниях, сам будучи наделён благородным нравом и душевною широтою, в знак признательности подарил ей перст святой Анны, матери Богородицы Девы, каковой Клара при жизни чтит с величайшим благоговением, а после её смерти он хранится при её же теле, а когда тело Клары показывают посетителям, то они с великим удивлением и трепетным чувством [могут убедиться], что и палец кажется принадлежащим живой, а не мертвой женщине.

Епископу Сполето, предстоятелю своему, она обещала, что в течение определённого срока его возведут на более высокую должность, и немного погодя он был провозглашён кардиналом и получил титул Остийского.

[32] Ну а своим монахиням она весьма часто открывала [глаза на их собственные] сокровенные привычки, слова и сердечные чувствования, все усилия и заботы направляя на то, чтобы отвратить их умы от всякого рода заблуждений.

Она уговорила одну из них стереть пятно, сквернившее её совесть, ибо нередко видала, как её преследует бес, и предрекла, что он отстанет от неё через шесть месяцев.

Она переубедила послушницу Алакру, из стыда не желавшую исповедоваться духовнику в каком-то потайном грехе.

Он уличила аббата Эразма, неожиданно решившего встретиться с ней, в тайных прегрешениях.

Он крайне сурово выбранила Франческо, родного брата своего, за то, что, поддавшись дьявольскому обману, он вознамерился оставить иноческое житие.

Такого рода примеры можно было бы перечислять почти бесконечно, однако время поджимает. Так что достаточно уразуметь, что Клару величали и пророчицей, и наставницей всякого знания, а молва о ней распространилась так широко, что это вызвало постоянные приезды отовсюду иерархов и выдающиеся мужей, желавших поговорить с ней, послушать её и увидеть (что, впрочем, было особенно трудно). Благодаря чему увеличился и приток пожертвований, хотя из них святая совершенно ничего не оставляла [в обители], кроме того, что было насущно для пропитания [сестёр].

ГЛАВА IV. О ТОМ, КАК ОНА ПРИНИМАЕТ ПРИЧАСТИЕ ОТ ХРИСТА И НЕ ЖЕЛАЕТ, ЧТОБЫ ЕЁ ОТВЛЕКАЛИ ОТ РАЗМЫШЛЕНИЙ О СТРАСТЯХ ЕГО; О ЕЁ СМИРЕНИИ И О ТАИНСТВЕННЫХ ЗНАКАХ, ЗАПЕЧАТЛИВШИХСЯ НА СЕРДЦЕ

[33] Христос Спаситель засвидетельствовал наивысшее одобрение подвижническому благочестию сей целомудреннейшей девы, когда удостоил её собственноручно коснуться Святейших Евхаристических Таин, кои уделил ей, поскольку она не смогла принять причастие Тела Господня вместе с остальными.

Пренебрегая прочими утешениями сего мира как бесполезными и суетными, она восклицала: «Как разнообразны случайности в нашей жизни, которые мы изменяем, хотим мы этого или нет, по мере падения вещей. Когда-то я радовалась успехам и горевала о невзгодах; после упомянутого изменения разума я горевала из-за успехов и радовалась невздам; ныне же сознаю, что нет ничего достойного ни радости, ни печали». Сие значит, что, по её суждению, всё следовало переносить одинаково бесстрастно. И таким образом люди оказываются блаженны в невзгодах и совершенно счастливы в благоприятных обстоятельствах.

[34] В речах её правильность так сочеталась с благозвучием, а смысл настолько сообразовывался с выразительностью, что души слушателей приходили в величайшее волнение. Касательно же её учения в анналах записано, что однажды послышался голос, сказавший: «Какое учение богоугоднее Клариново?! Какое вернее?! Чья речь так разъясняет все сомнения, изгоняет всякую тьму невежества?!»

Поэтому неудивительно, что правила она чрезвычайно благоразумно, ведь правый нрав её сопровождался несравненным благоразумием и основательной рассудительностью. Она издала множество благочестивых установлений, [направляющих] к благому и блаженному житию, которые поручила каждую неделю читать вслух и объяснять монахиням, собранным в одном месте.

[35] И прежде всего она увещевала сестёр, чтобы не заводили ни с кем дружбы, но вырывали с корнем причины всех нужд, и, если выпадет случай вести с кем-то дела, то позволяла [монахине] приближаться к железным решеткам, только задёрнув их тканью (как уже описывалось), и в присутствии спутницы. Кроме того она

постановил, чтобы все так строго соблюдали правило затворничества, что не только монахини не выходили за пределы монастыря, но и посетителям извне входить не разрешалось, ибо, как справедливо написал некий сочинитель:

Девиц незамужних блюсти нужно с вниманьем:
Похоть повсюду силки свои расставляет.

Если срочно требовалось пустить во внутренние пределы врача или духовника, их сопровождали две старицы, а остальные укрывались в самых отдалённых частях обители. Если [одна из монахинь] получала какое-нибудь пожертвование, то его использовали на общее благо, что освящено, как говорила [Клара], законами природными и божескими. Правила безмолвия, установленные ею, были так строги, что их не превзошли бы даже те предписания, что Пифагор и Гарпократ оставили своим ученикам, ибо она воспрещала [своим подчинённым] молвить хоть словечко, если не к вящей славе Божией произносилось. По завершении Часов она велела читать службу по усопшим и другого рода молитвы, а если не удавалось закончить в установленные сроки, то их творили дольше, и она никого от них ни под каким видом не освобождала. Если она замечала, что кто-нибудь [из её подопечных] менее способен к молитвенной жизни, она поручала им сообразные монастырские послушания, искореняя, словно начаток заразы, всякий повод к праздности, дабы не прельстились они ухищрениями диавольскими.

[36] Монастырские дела с народом (по мере необходимости) Клара поручила вести некоей монахине, которая также присматривала за входной дверью. Она же загодя докладывала аббатисе обо всём, что предполагалось предпринять, а чтобы человеческие заботы не отвлекли [насельниц] от службы Божией, прописала в уставе запрет для той, кто присматривала у дверей, сообщать монахиням об услышанном снаружи.

Увещевала она [учениц своих] прежде всего усердно внимать душой крестным мукам Христовым, что сама творила благоговейно, ибо чрезвычайно часто сосредотачивалась помыслами на горчайших страстях Иисуса Христа, каковые терзали её глубочайшей скорбью, и хотя она не давала воли быстровысыхающим слезам, зато пронизывающая боль пребывала в её сердце. Впрочем, она не могла всегда сдерживать себя, и тогда [слёзы] изливались, словно бы из преизобильного источника, после чего она долго пребывала в оном созерцании.

С наивысшим рвением она молилась Богу о том, чтобы [Страсти], на которые она взирала, предстали и её телесному зрению; и молитвы её оказались настолько значимы пред Богом, что она с величайшей лёгкостью получила желаемое: по особой милости Кларе было явлено в мельчайших подробностях, что происходило во время Страстей Господних.

[37] Она во все глаза вглядывалась в это видение, когда внезапно с небес донеслись примерно такие слова: «Что же милее тебе и желаннее, Клара, причастности Моим скорбям и мукам? Дабы ты не просто присутствовала (interfuisses) при них, но и являла (praefuisses) их?» Сии слова заронили в ней величайшую надежду на чудо (benevolentiae) Божие, и с той поры она так крепко держалась мысли об оном, что, казалось, даже в пище ощущала вкус желчи и горечь скорбей.

Сие стало причиной того, что все её речи имели предметом Крест Господень, и со всем пылом душевным, со всей пламенностью она побуждала сестёр к размышлению о нём, а чего она достигла своими словами, легко было заметить по обильным потокам слёз, лившимся из глаз монахинь, и перемене в их жизни.

Как раз в ту пору обнаружилась одна из монахинь, что была таковой скорее по названию, нежели по действительному призванию к иночеству. Она молвила: «Что-то не нахожу я никаких особых отрад и утешений в этих размышлениях!» Кроме того она злословила Клару за то, что та приписывает себе больше, чем требует смирение.

[38] По этой причине Клара, как сама [впоследствии] рассказывала, несколько вознеслась духом, и поэтому Бог изволил на одиннадцать лет лишить её пресладостных даров Своей милости. Это, по её утверждению, принесло ей огромную пользу, ведь в ту пору она различными способами смиряла тело и плоть и, словно бы готовясь к состязаниям, вела жизнь борцовскую, хотя целью её была не почесть мирская, но вечное спасение. Кроме того, она сокрушала силы дьявола, подавляла возбуждения чувств и всполохи похоти, а всем суетным, что есть в мире, пренебрегала.

Среди таковых тягот, снедаемая печалью и грустью, она часто проливали слёзы, от которых так ослабела, что однажды упала замертво, а когда так случилось, она, не иначе как [борец], поверженный в схватке, восстановила силы, а затем снова вышла на поле битвы и постом, самобичеванием, бдениями и божественными молитвами и отыграла победу. Ибо только победа над собой – это истинная победа.

Это состязание между пороками и добродетелями требовало такого внимания, что она меньше обычного предавалась божественным размышлениям и лишилась той радости, которая скрашивала ей невзгоды земной жизни. Однако одно утешение у неё оставалось: все дурные душевные порывы она подчинила разуму и мощью добродетели своей одолела козни дьявольские.

По этому поводу она часто советовалась со своими духовниками, спрашивая, что ей можно сделать, чтобы сохранить божественные размышления; а они, уразумев суть дела, усердно увещевали деву подвизаться, указывая на то, как сложно [достичь] Царства Небесного, коего никто не может обрести без великого труда. И она с безмерным пылом сердечным изо всех сил устремлялась к вечному счастью.

[39] Чему сам Бог выказал одобрение, сочтя её дарования достойными духовного увенчания. Ибо, когда (о чём мы упоминали выше) она упала за смертью, то, вновь собравшись с силами, узрела видение: человек держал в одной руке светильник, полный масла, а в другой нёс пук соломы. «Солома, – сказал он, – не воспламенится, если её сначала не промаслить», и тотчас она увидела, как [стебли], помазанные елеем, сгорают в огне. Смысл же сего ведения (как объяснил ей Святой Дух) следующий: солома – это душа, и если не умастить её елеем смирения, то не сможет она воспламениться любовью Божией. Из этого Клара уразумела, почему так долго пребывала в скорби, а потому, склонившись к земле ликом и духом, простирала руки свои к Богу, безустанно моля Его наделить её смирением и – коль скоро Он доселе невинно сохранил ей здоровье и жизнь – ниспослать ей бессмертные дары благодати. Бог же с величайшей щедростью даровал ей покой духа и всё, чего только она ни попросила, а когда миновал пятнадцатый год (*её жизни в киноии Св. Креста. – согл. прим. болландистов*), утешил рабу Свою пред кончиною невероятным утешением, коего ещё никто в былые времена не стяжал.

[40] Ибо же Христос, приняв образ странника, облечённого в белоснежные одеяния и несущего на своих плечах крест, приветствовал её ласковым словом, молвив: «Здравствуй, дочка! Долго Я размышлял, что бы Мне лучше всего тебе предложить к вящей радости духовной. Прими же сей крест в нежнейшие свои объятия, ибо нигде ему не найти более надёжного пристанища. А для того, дочка, подай Мне сердце своё, дабы тебе на сем кресте умереть». И слово сие прозвучало так мощно, что аж нанесло ей рану в само сердце. Наверно, именно в это время тайны Страстей Господних запечатлелись в её сердце...

О любовь безмерная! О, сердце, пылающее невероятной любовью! Не зря так было угодно Богу, что только его Христос нашёл достойным такой чести!

[41] А когда она чудесным образом тешилась воспоминанием о сих муках, то, чтобы явственнее удерживать в памяти оные пытки, которым Господь подвергся в день Страстной Пятницы, Клара вручала своим монахиням тяжелейшие связки розог и просила, чтобы они её ими били. Рассудив, что крест Христов есть образец добрых дел, она подробно разъясняла каждую тайну Христову, дабы они могли следовать по Его стопам. Поэтому она установила определённые молитвы и другие действия, помогающие обновлять сие памятование, благодаря чему она стала, как никто, мила Богу и, проводя жите на земле, удостоилась причастия небесной славы.

Тем временем монахиня Иоанна, девица чрезвычайно сметливая, со всей тщательностью примечала, насколько удавалось, проявления святости Клары. И вот она сообщила, что в ночь на Рождество Христово как бы некий свет проблистал, когда Клара творила свои обычные молитвы, а во время чтения утренних Часов слышался некий голос приятнейшей стройности и пресладостно созвучное пение.

[42] Что ещё тут сказать? Не поведать ли, что её келлия сияла во тьме, а лучи небесного света облекали тело блаженнейшей Клары, подобно некоему поясу? Ведь по некоей особой милости [Божией] она созерцала всеокровенные тайны

Воплощения: поющих ангелов, пробудившихся среди ночи пастухов, приближающихся мудрецов и, наконец, со всей ясностью разглядела Младенца, лежавшего в убогих яслях.

Со дня Богоявления и до Очищения Пресвятой Богородицы размышляла она в часы молитвы, каково будет величие Христа, когда Он воссядет на оном последнем суде как Судия сынов человеческих, каково это будет: истребление нечестивых, почти бесчисленные виды наказаний, множества тягостных мук, жуткие обличья бесов и невыносимое общение с ними, ужасающая бездна ада, никакой мыслью не постижимая. Тут ей показалось, будто она слышит гром, шум, гул, рык и громкие крики, от которых она с перепугу пала наземь и некоторое время пролежала, обмерев от страха и ужаса. Потом, собравшись с силами, она обратилась к блаженному лику Божию, а когда Он, подняв взор, с величайшим вниманием присмотрелся к ней, донёсся нежнейший голос: «Приди, Клара, ибо приход твой для меня весьма радостен и желанен!» На что другой голос в свою очередь возразил: «Погоди немножко, ибо твой день ещё не пришёл». Из чего можно было уверенно предсказать, что она спасена.

На другой день она увидела образ Христа Господа, наполняющий своим величием небо и землю, а сияние его превосходило блеск солнечный, и с величайшей покорностью почтила его духом и телом. Позднее она удостоилась увидеть Его с простертой рукою: Он милостивым жестом ознаменовал святыне благословения над монастырём и важнейшими местами города Сполето.

ГЛАВА V. БОЛЕЗНЬ БЛАЖЕННОЙ И СМЕРТЬ ЕЁ, ПОСЛЕ КОТОРОЙ ОТКРЫЛИСЬ ТАЙНЫ

[43] В конце концов, надорвав свои силы постоянными бдениями и измаявшись желудочными болями, Клара за пятнадцать дней до смерти захворала, но целых десять дней так усердно предавалась размышлениям, что ни разу не отвлеклась от установленного порядка. Поэтому её монахини стали сильно опасаться, как бы болезнь её не усилилась из-за частых размышлений, поэтому, чтобы сберечь силы, она велела [принести] на время переносную кровать и, взобравшись на неё, завела речь, молвив так: «Скоро, сёстры, вы исцелите меня от всякой болезни». Так она предвозвестила свою уже скорую кончину.

Однако её окружили сугубой заботой и, находясь на виду под пристальным наблюдением, она вела сама с собой божественные [беседы], причём до сиделок доносились сии слова: «Ангеле Божий, попроси Пресвятую Деву принять меня в обители Свои!» А немного позже, как бы торжествуя, она запела: «Возрадуемся все и возвеселимся Богу, и воспоём хвалу (*ср. Вульг. Пс. 94:1, Иуд. 16:15*). Тебя, Боже, восславим, за то, что Жених мой грядет ко мне (*ср. Мф. 25:6*), дабы повести меня к славе Своей!» Это слышала Джованна, не сестра Клары, а другая монахиня.

[44] А другая сестра сказала, что собственными ушами слышала вот что: «Я вижу всё, что создал Бог, и вот хорошо весьма (*ср. Быт. 1:31*); но бес стремится всё изуродовать». Из этого поняли, что она борется с бесом и прогоняет его со словами: «Чего ты хочешь от меня, зверь кровожадный? Изыди, проклятый, и беги отсюда, ты, пять тысяч лет находившийся под проклятием и в вечности живущий проклятым». Когда одна из сестёр услышала это, то, опасаясь, как бы [умирающую] не устрашили козни диавольские, приблизилась и оградила её крестным знаменем. На что Клара, точно бы очнувшись ото сна, молвила: «Нет, не стоит за меня опасаться, дочь моя, ведь я в сердце моём ношу запечатление креста со Христом вместе». А другой монахине сказала: «Если ищешь креста Христова, возьми моё сердце, и там найдёшь Христа распятого». И, погрузившись в сии размышления, она тешила монахинь неким пресладостным напевом, слова коего, впрочем, были недостаточно разборчивы.

Совершенно достоверно, что с приближением последнего дня она вела с Богом частые беседы, в коих выражалась взаимная любовь; а когда наступил день Успения Пресвятой Богородицы, даже вечерний час не заставил её замолчать, и с полным присутствием духа она проповедовала о безмерном милосердии Божиим и горчайшем кресте Христовом, увещевала сонасельниц к послушанию, целомудрию, смирению и благоговейному житию, указывая, прежде всего, на то, что [трудиться над своим] спасением нас вдохновляет сосредоточенное размышление о Страстях Господних.

[45] Ну а после того, как сёстры получили эти наставления, Клара, простерши руку, благословила их знаменем святейшего креста и сказала: «Пусть Бог, царствующий над небом и землей, защищает вас, бережёт и хранит оплотом вечным!» По сем изречении монахини, вспомнив о [её] скорой смерти, разрыдались и наперебой проливали обильные слёзы, хотя Клара старалась унять их скорбь.

Наконец она пожелала принять таинство миропомазания, а в пятницу шестнадцатого августа с величайшей настойчивостью предалась молитве, от которой её никак не могли оторвать ни советы врачей, ни уговоры монахинь; мало того, она им попеняла такими словами: «Что вы разволновались? Что, скажите на милость, вас беспокоит? Разве вы не знаете, что, пока я служу Богу, мне ничего не повредит, и что чем ближе я к Богу, тем сильнее, так что, если бы вы ударами бича попытались отвлечь меня от сего созерцания, пищи души моей, то я стала бы впредь только крепче?» Сие сказав, она велела всем монахиням сосредоточиться и, если она при чтении Часов вдруг допустит небрежность, то вместе с нею их заново перечитать.

[46] По завершению их она с горящим сердцем, всем существом своим к Богу устремившись, воскликнула: «Слишком, слишком, слишком велика славная твоя награда для меня, Господи!» Затем, обратившись к сёстрам, молвила: «Ведите меня к Жениху моему, ибо я вижу небо отверстым и святых апостолов и дев Божиих (*ср. Ин. 1:51*), которые с великой радостью ожидают меня!»

В это время пришёл Франческо, родной брат Клары (он был младшим кустодом св. Франциска в городе и окрестностях Сполето), и они долго беседовали между собою о Царстве Божиим, после чего Клара с величайшим настоянием попросила его позаботиться о монастыре и сёстрах её. Поскольку же она казалась куда веселее, чем предполагалось бы при тяжёлой болезни, это дало Франческо изрядную надежду на её выздоровление. Клара же, для которой [неминуемая] смерть была очевидна, наказала ему снова зайти к ней на следующий день.

В конце концов, в субботу, приходившуюся на восьмой день по торжестве святого мученика Лаврентия, а именно на шестнадцатый день до сентябрьских календ, чувствуя, что пора сменить житие несчастнейшее на счастливое, она в виду кончины молилась ещё усерднее. Для этого она повелела отнести себя на переносной кровати в часовенку, где, немного помолилась и, обратившись к сёстрам, произнесла такую речь:

[47] «Настал уже час, возлюбленнейшие сёстры, когда мне должно вырваться из уз сего тела, как бы из темницы, к небесному Богу и предать Ему дух свой, поэтому снова и снова умоляю вас глубоко в сердце воспринять сие мое поучение и как можно тщательнее его запомнить. Так вот: да будут уши ваши денно и ночью открыты для божественных законов и увещаний, а ко всему прочему совершенно глухи; а главное – взыскайте жития такого, что проявляется в добродетелях души и тела».

После этого она смыла пятна со своей совести (если они вообще были) [в исповеди], которую выслушал от неё брат Фома, её духовник, а потом со сложенными руками, с лицом, обращённым к небу, как бы во сне, ни на кого не обращая внимания, испустила последний вздох в кругу монахинь, которые думали, что она просто погрузилась (как ей было свойственно) в размышления, а когда поняли, что обманулись в своём предположении, она уже почилла.

Когда же они приблизились, то увидели, как лицо её необычайно просияло, что затем прекратилось. Ну а среди прочего то послужило причиною изумления, что тело оное выглядело полным сил, точно живое (и до сих пор, сохраняясь нетленным, внушает всем величайшее благоговение). Вот какова была кончина Клары Креста; и неудивительно, ведь после жития, исполненного благодати, подобает ожидать и благодатной смерти.

А скончалась она в сорокалетнем возрасте, в год по Рождестве Христовом 1308-й, в шестнадцатый день до сентябрьских календ, в субботу в 3 часа, в третий год понтификата папы Климента V.

[48] Тело её и доселе не тронуто тлением, что видно всем, кто туда приходит.

Когда же дух Клары улетел, покинув тело в монастыре, монахини орошали его множеством слёз, и все как один с величайшим вниманием всматривались в него, стараясь сохранить в памяти, ибо, взирая на неё, как на некий пример, верные сильнее воодушевлялись богопочитанием.

И вот, неспешно посоветовавшись о том, как поступить с этим телом, они, словно бы по внушению свыше, пришли [к решению] извлечь из груди её тела сердце – в той надежде, что удастся увидеть сокровенные тайны Страстей Господних, кои при жизни она постоянно созерцала духом.

Итак, поклонившись покойной в ноги в знак едва ли не беспримерного смирения, они (как подобает христианам) свершили по священным правилам торжественные обряды, а [потом,] несмотря на неудержимую скорбь, вскрыли тело, где обнаружилось сердце размером с детскую голову, а вместилище желчи твёрже, чем должна была бы вынести природа. Когда одна из монахинь завершила вскрытие, желчный пузырь вместе с прочими органами поместили в вазу, которую выставили на алтаре часовни.

Однако, после того, как очередь дошла до сердца, возникли крайние разногласия, поэтому остальное было отложено на следующий день. В то время они были так подавлены утратой девы, что не знали, что делать, а поэтому смиренно молили Бога, дабы Он направил их помыслы и показал, как будет лучше всего.

[49] По окончании молитв они все единомысленно постановили, что сердце нужно разрезать. Поэтому в восемнадцатый день августа месяца монахиня Франциска, которой было дано это поручение, держа оное сердце в руке, сначала прослезилась, а затем спросила, каким образом его следует разрезать и в каком порядке. При этом все замешкались и оказались в ещё более затруднительном положении, чем прежде.

Наконец сердце рассекли бритвой на две части; снаружи плоть на ощупь была мягкой, а внутри – довольно твёрдой. Тут все, с нетерпением ожидая исхода дела, со свечами в руках ринулись всё подробнее осматривать – и надежда не подвела их.

Ибо они воочию увидели Христовы муки и чудесные тайны и, хотя в должной мере их изобразить никак не возможно, дивным образом окинули взором величие их.

Ещё удивительнее было то, что разрез не нанёс этому [изображению] ни малейшего повреждения или ущерба, отчего [монахини] искренне возрадовались и в счастливом ликовании воздали бессмертное благодарение Богу, оказавшему [им] столь великую милость.

Тайны [Страстей Христовых] располагались отдельно друг от друга в определенном порядке на плоских поверхностях обеих половин сердца.

[50] На правой половине сердца [было видно] изображение Распятого Иисуса Христа, величиной с женский большой палец, хотя и немного длиннее: руки [Распятого] были вытянуты в стороны и приподняты, а голова – опущена на грудь и склонена в сторону. Правая сторона тела в области раны имела иссиня-чёрный цвет запекшейся крови. Слева же виднелась плащаница, испещрённая мельчайшими капельками крови. Рана на боку обильно кровоточила.

На этой же половине [Клариного сердца] кружочек, образованный из жилок, очерчивал венец, ошетенный терниями с ранащими остриями.

Там же [располагались] три жилки, словно три нити, на концах которых, привязанные, висели железные гвозди с острыми концами, чёрные, на ощупь твёрже плоти. Два из них были короче и привязаны к более короткой нити, а тот, что побольше, висел на более длинной нити.

Под участком с гвоздями выделялось ещё одна жилка, изображавшее копьё, наконечник которого был по-настоящему острым, цвета и твёрдости железа, так что когда Беренгарий (исполнявший обязанности викария) прикоснулся к нему, почувствовал на руке как бы укол острого шипа. Кроме того, оно выступало над поверхностью [разреза], как будто копьё выходило сбоку.

Ещё на той же половине было некое спутанное скопление жилок красного цвета. Очертания оно имело нечёткие, однако его истолковали как губку на трости.

[51] На левой половине сердца была плеть, свитая из пяти переплетённых жилок со множеством узелков, а свисающий кусочек мягкой и тонкой плоти изображал остальную часть, к которой крепилась плеть. За ним следовала колодка – из плоти, похожей, однако, на древесину. Окрашенные точно так же черной кровью верёвки выдавались над плотью и выделялись. Все это и поныне можно увидеть прямо в гробнице Клары.

Рядом находилась еще одна жилка, [которая] обозначала прямую колонну, обвитую скрученными тоненькими верёвками. Нижняя часть её была прикреплена к плоти, а те жилки, которые, как шнуры, опоясывали колонну посередине, были цвета крови.

Всё сие при разделении сердца надвое осталось цело. Причем эти изваяньица, напоминавшие о Страстях Господних, хотя и были из плоти, однако имели цвет и твёрдость тех предметов, образом которых являлись. И когда монахини раз за разом

то и дело осматривали их и трогали, изумлялись необычайному явлению, словно бы им предстало нечто божественное.

Однако, чтобы не показалось, будто что-то было сделано безрассудно, они поспешили поставить обо всём в известность епископа Сполетанского. Получив письмо, епископ не сразу им поверил, однако направил туда своего викария Беренгария, уроженца Сан-Африкано, дабы, внимательно проверив, что же на самом деле произошло, как можно подробнее сообщил обо всем и, если по причине необычайности явления произошла ошибка, устранил её с помощью просвещённого верою разума; если же [случилось] истинное [чудо], подтвердил это своим суждением и духовной властью.

Викарий, услышав повеление епископа, проделал огромный путь до монастыря и осмотрел всё с величайшим радением, трезво, рачительно и внимательно; даже собственными руками ощупал.

[52] Когда он увидел эти [изваяньица в сердце], замер от изумления в неподвижности, а затем велел отрезать каждое от плоти и уже отдельно вновь расставить в том порядке, как они выглядели первоначально. Не все из них, но некоторые (при обсуждении канонизации Клары) были доставлены Иоанну XXII, Верховному Понтифику, пребывавшему в Авиньоне. Сердце же оное, как нечто священнейшее, берегли с особой тщательностью. Вытекшую кровь, собрав в стеклянную ампулу, положили в её гробнице, причём она источает чудесный запах, а когда Церкви Божией угрожает значительная опасность, предвещает сие кипением. Ныне можно увидеть тайны Распятия и бичевания, размещённые в гробнице Клары – в стеклянном сосуде, украшенном серебряными пластинами.

[53] Когда в сердце нашли сии [изваяньица], монахини, вспомнив о том, как был твёрд желчный пузырь, что хранился у них, возгорелись сильнейшим желанием увидеть, что там скрывается; по каковой причине побежали к алтарю часовенки и, взяв урну, отделили, как постановил при всём этом присутствовавший Беренгарий, вышеупомянутый желчный пузырь от остальных частей. Постучав [и убедившись, что] он твёрд, викарий [призвал] медиков и велел разрезать его.

Так были обнаружены три твёрдых округлых комка пепельного цвета. Были они одинаковы видом, оттенком и весом, а располагались в пузыре таким образом, что образовывали треугольник, указуя (как поведала Клара перед смертью) на всесвятую тайну Троицы. Ведь все источники согласно сообщают, что эти шарики были одного и того же веса не только тогда, когда их взвешивали каждый по отдельности, но также (что превосходит человеческое понимание), если один помещали [на одну чашу весов] с двумя [на другой], или один с одним, или [взвешивали] все вместе, получался один и тот же вес.

Я считаю, нельзя умолчать и о том, что, когда Франция отошла от католической веры (1560 г. – прим. пер.) и была раздираема ересями, один из них (шариков) распался на несколько частей, хотя вначале, когда их только нашли, они были тверды, как алмазы, и их было не разбить даже ударами молота. Сей разломившийся шарик предвещал разорение Церкви, хуже коего, пожалуй, она никогда прежде не претерпевала, и если бы Бог не защитил Её по Своей милости, стало, наверно, окончательным.

Беренгарий поведал (как следует из его отчёта) о большинстве из этих [реликвий], которые хранимы в гробнице одной девы, где их и показывают. И через них Бог ясно явил, что дева Клара была особо Им любима, ведь Он не только сими знаками её наделил, но ещё ниспосылает верным надёжное утешение и безотказную помощь, когда они просят её заступничества и призывают её имя. Итак, даже чудеса подтверждали высочайшую святость её жития.

ГЛАВА VI. НЕСКОЛЬКО ЧУДЕС ЕЁ

[54] Порою она исцеляла горе, умирала скорби, обращала печаль в радость, а главное, не отказывала в помощи никому из тех, кто умолял её о заступничестве, ибо по смерти её и до десяти лет явлены были поистине бесчисленные чудеса, которые было бы чрезвычайно трудно исчерпывающе описать в краткой книжице, но стоит, пожалуй, собрать в одном [очерке] несколько из их бесчисленного множества.

Итак, те, кто с исключительной тщательностью расследовал её деяния, оставили запись о том, что Клара, ещё будучи жива, вызывала мёртвых к жизни.

Прежде всего, когда Андриола, монахиня её, умерла, то прежде чем её предали земле, Клара своими молитвами возвратила её к жизни. Ведь когда отец услышал, что его дочь почилла, он, плача, прибежал в киновию, где горько сетовал, что не смог увидеть свою дочь перед её смертью. Клара же, тронутая его плачем, умолила Бога воскресить Андриолу, и та, поговорив с отцом, вскоре без всякого признака приближения смерти снова ушла из жизни.

Некий пескокоп Паганичи, копая песок, погиб под тяжёлым завалом. Родственники же его восскорбели не только о смерти его, но и потому, что он не успел очиститься от своих грехов исповедью. И вот по заступничеству Клары Паганичи вернулся в мир живых.

Кроме того, некоторым, кто страдал от тяжких болезней, она своими молитвами и знаменем Пресвятого Креста возвращала доброе здоровье.

В числе таковых была Джованна, впоследствии настоятельница. Когда она, страдая чахоткой, не могла излечиться никакими врачебными средствами, то прибегла к помощи Клары и по её молитвам снискала выздоровление.

Некий Ваньоли, страдавший падучей болезнью, попросил у девы помощи и благодаря ей исцелился.

У Джулиани от удара возникла незаживающая язва на ноге, и когда врачи решили, что её следует отрезать, он усиленно взмолился Кларе, и язва тут же зажила.

Монахиню Лучию одержал бес, но когда её накрыли Клариным плащом, она сразу освободилась.

Запятнанного страшными преступлениями Коррадуччо [святая] привела к искреннему покаянию и спасению.

Многих, страдавших от лихорадки вплоть до утраты памяти, сознания и речи, она возвратила к совершенному здравью.

Она пришла на помощь своим монахиням, когда они оказались в крайней нужде и были томимы заботою о поиске пропитания: служительницы, назначенные на это задание, нашли большую кучу хлеба в молельне. Словно бы Бог вознаградил Клару за посты, которыми она в течение жизни томила себя, питаясь при этом, начиная с двадцатилетнего возраста, так скудно, что, по мнению сведущих людей, ни за что не могла бы прокормиться, а потому казалось, что черпает силы она, скорее, в божественной, нежели в человеческой пище. Однако [Бог] не только жизнь её озарил чудесами, но и после её смерти неоднократно ниспосылал смертным многие дары.

[55] Она возвратила к жизни пятерых умерших.

Некоего Мартинелло, пятилетнего мальчика, раздавило огромным стогом соломы; соседи же, пока несли его домой, зывали к Кларе о помощи, и тогда ему была дарована жизнь.

По молитвам блаженной Клары возвратились к жизни: Джулия, женщина из поместья под названием Верани, и Чучча, женщина утонувшая в водах, и шестилетний Паулуччо.

Чекко Спеи, земляк блаженной Клары, уродившийся с совершенно перекошенными ногами, хотя сам даже и стоять без поддержки не мог, однако, возложив на Клару

величайшую надежду, попросил, чтобы его отнесли к её гробнице; и когда он посидел там немного, почувствовал вскоре, как по милости Клары его ступни окрепли, и начал ходить перед всеми.

Точно такую же милость она оказала своему земляку Антонио, который получил тяжкое повреждение левого колена, изувечившее его так, что он совсем не мог стоять без поддержки. Воззвав к Кларе о помощи и послав ей на гробницу свечу, он исцелился.

[56] Некий сполетинец Лукарелло, у которого глаза [выпали] и свисали до щёк, оставил уже всякую надежду выжить, когда отец привёл его к гробнице Клары. После того, как он с глубочайшей искренностью молитвенно испросил её помощи, глаза вернулись на место, и он вновь обрёл дар зрения.

Также Флоре, женщине, родившейся в Кортиньяно, когда она обвила алтарь Клары покровом, по заступничеству сей девы возвратилась способность слышать.

Чечилия из Сполето, страдавшая падучей болезнью, дав обет, выздоровела затем через пятнадцать дней.

Предстательством Клары пред Богом полностью выздоровели: отрок Джованни, страдавший грыжей; девочка Летиция с затруднением мочеиспускания; Флора с болями в матке.

Сполетинец Анжелетто так тяжело был ранен мечом, что его внутренности выпали наземь, однако он тут же, оmyв их и поместив обратно в живот, заступничеством Клары уцелел после сей раны.

[Спасён был ею и некий] Филиппо, родом из Беваньи, упавший в волны реки Топино, когда она затопила все поля.

Андреуччо тяжело поранился ножом, упав с миндального дерева. Поскольку нож вонзился ему в плечо и его не удавалось никакими способами извлечь, он в унынии духа обратился со смиренным молением к Кларе, и она подала ему чудесное исцеление: он почувствовал, как клинок выходит.

[57] Нардо был захвачен разбойниками, а когда в самый опасный миг усиленно попросил Клару о помощи, между ними началась немалая распря по поводу него, благодаря чему один из них его защитил.

Потом ещё бывало так, что бесы до крайности пугались сего имени, по каковой причине Кьяручча, монахиня из Тоди, одержимая бесами, посидев немного подле тела Клары, по молитвам оной была исцелена Богом.

Сервию из Монтекассино в течение семи лет мучили нечистые и тяжко изранили. Когда её тащили ко гробнице Клары, бесы пытались помешать ей шумом, криками и даже силой, доведя её до сущего безумия, однако, едва её подтолкнули ко гробнице, она познала силу Кларинаго заступничества.

Пьетро, уроженец Подио, взбесившись и сойдя с ума, не раз был на грани того, чтобы утопиться, повеситься и [подвергался иной] смертельной опасности, [однако] по милости Клары уцелел.

Клара вымолила исцеление для хворавшей лихорадкою сполетанки Колы (*уменьш. от муж. имени Никколо. – прим. пер.*), для Маттеуччи, женщины, которая жутко маялась головной болью, а также для совершенно неисчислимого множества людей, страдавших разными болезнями, как телесными, так и душевными.

Сполетанец Никколо свидетельствует: когда его так замучила горячка и лихорадка, что врачи отчаялись в его выздоровлении, мать его дала обет Кларе, и он благодаря этому одолел тяжкую болезнь.

По заступничеству Клары обрели здоровье сполетанец Пьетро, страдавший от сильной боли в желудке, и Кьола, у которой более двадцати лет болели зубы.

[58] Молва обо всём этом распространилась так далеко и широко, что день за днём к её гробнице для воздаяния обетов за полученные милости стекались мужи выдающегося достоинства, отличавшиеся благородством, самого высокого происхождения, а также всякого рода почти бесчисленные чужестранцы не только из близких, но и из далёких стран.

Кроме того, исполнившись Духа Божия, она провещевала о состоянии некоторых умерших, дабы можно было молитвами, милостынями и другими подобными деяниями ходатайствовать об избавлении их от мук чистилища.

Записи также сообщают, что она открыла некоему мужчине состояние преждевременно умершей жены и показала, что ей можно помочь молитвами.

Ещё сполетанцу Чьотто она предвозвестила, что ему предстоит понести наказание.

Она также знала, каково душе её сестры Джованны.

По любви Своей к Кларе Бог изволил дать ей знать обо всём, что касается как живых, так и умерших.

[59] А изложенное нами подтверждается не только чудесами, но и свидетельствами святых иноков, которые, предаваясь божественному созерцанию, получили о сем наставление.

Так, мы узнали, что Кьяручча (*ученица св. Клары. – прим. болландистов*) видела, что Клара как бы благоговейно играла вместе [с Младенцем Иисусом] на коленях Пресвятой Девы; а чужестранка, молясь в соборной церкви Сполето, узрела Клару, озарённую сиянием божественного света.

Также графы [де Раньери] и Эторио, благочестивейшие мужи, рассказывали о святости Клары.

Врач Филиппо почти совсем не давал веры этим рассказам, но был вразумлён Богом, ибо, когда он бесславил Клару завистливыми словами, то услышал глас небесный, [возвестивший,] что в окрестности десяти тысяч шагов нет никого святее Клары.

Более того, с кем-то другим, отвергавшим благочестие сей святейшей девы, случилось так, что у него страшнейше разболелся язык, и хотя страдания его привиделось ему во сне, однако по достовернейшим признакам так и было на самом деле. Когда же он прибег к заступничеству Клары, [нарыв] на его языке лопнул.

Блаженный Вентура, родом из окрестностей Триви, муж, одарённый высочайшей святостью жития, обитая вдали от мирской суеты в скальной пещере, часто возвещал хвалу Кларе сими словами: «В городе Монтефалько она одна паче всех служит Богу в святости величайшей и по причине необычайности свершившегося [чуда] дивным возвышает души людские». Сие предсказание прояснилось позднее, когда в сердце у Клары обнаружили Тайны Христовы.

Другой некий человек, отличавшийся благочестием, рассказывая много достопримечательного о славных [свершениях] и добродетелях Клары, испугался, как бы ему при исполнении сего долга не приписали тщеславие или чрезмерную дерзость. И когда душа его погрузилась из-за сего в печаль, получил он наставление свыше, что ещё недостаточно прославил достославнейшие [деяния] сей девы, кои должен возвестить в длинной речи.

[60] Впрочем, того, что я здесь рассказал о блаженном житии Клары, достаточно. Потому как, если судит Бог мне услышать, что столь славные деяния невозможно втиснуть в краткий очерк, то что уж говорить об остальном: не стоило, значит, и браться за труд, прежде всего потому, что мы ни умом не блещем, ни красноречием, и нам трудно было бы не то чтобы украсить похвалами славные деяния её, но хотя бы не упустили чего-нибудь при перечислении их.

И всё же мы не заслуживаем никакого порицания, если даже вдруг кому показалось, что мы вопреки Горациеву предписанию взялись за то, что нам не по силу и не по плечу; ведь замысел был не в том, чтобы собрать все подробности славных деяний блаженной Клары (что невыполнимо), но лишь показать некоторые из них, по которым читатель мог бы представить [её житие в целости], словно, как говорится, «льва – по когтю», а над остальным, чего мы не смогли выразить речью, надлежит размышлять умом и душою, ревностно взыскав при этом её [глубины] размышления, ибо если мы все будем придерживаться подобного образа жизни, то без сомнения такое же обретём и воздаяние.

При всём том давайте же неустанно благодарить Бога, [дивного] во святых Своих, по заступничеству коих мы обретаем прощение грехов, и попросим их особенно [о том, чтобы с их помощью] мы устремили к Нему наши помыслы и деяния и, следуя по стопам столь [великой] девы, содействием её не только в житии на земле укреплялись, но [стремились] и к блаженству в небесах, а когда там окажемся, вместе с нею в небесных обителях наслаждались вечным счастьем.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW